

Глава 12. Лючжоу

Жирдяй покосился на пустой стол перед Бай По и презрительно хмыкнул:

— А ставить-то что будешь, малец? Небось, решил без гроша в кармане куш сорвать?

Юноша в белом халате положил бледные, худые ладони на столешницу и с улыбкой ответил:

— Ну что вы, как можно. Сыграем один раз — пан или пропал. А в качестве ставки... как вам мой слуга?

Он небрежно указал на стоявшего позади юношу.

Ван Шо помрачнел. Дурное предчувствие, весь вечер терзавшее его душу, наконец-то оправдалось.

— Слуга? — лениво переспросил толстяк и вскинул голову, разглядывая застывшего за спиной соперника рослого юношу в строгом чёрном одеянии.

Тот стоял, покорно сложив руки, однако его холодный, безупречно очерченный лик дышал благородством: волевой разлёт бровей, тонкий прямой нос, чуть прищуренные миндалевидные глаза. Он едва заметно, издевательски усмехнулся.

Толстяк шумно сглотнул. Он прищурил и без того крошечные глазки, в которых вспыхнул откровенно похотливый огонёк. Мысль о том, чтобы подмять под себя этого гордеца и вволю поизмываться над ним, мгновенно вскружила ему голову.

Ван Шо терпел этот липкий, раздевающий взгляд без единого вздоха. Он даже бровью не повёл, лишь крепче сжал кулаки под просторными рукавами. Он впился тёмным, бездонным взглядом в сидящего перед ним юношу в белом. Окружающая толпа уже вовсю шепталась, глумливо тыча в него пальцами и отпуская сальные шуточки, но принц хранил ледяное молчание, словно эти ублюдки лаяли на ветер.

— Ну так что, идёт? — прервал Бай По сладострастные грёзы толстяка.

Тот торопливо, как болванчик, закивал.

— Начнём, — Бай По изящно повел рукой по столу, и подручный тут же принёс игральные кости.

Пока жирдяй пожирал глазами безучастного красавца в чёрном, белолицый малец перед ним

уже ловко сгрёб со стола гору серебра и завернул её в кусок парчи. Когда до толстяка наконец дошло, что партия сыграна и он с треском проиграл, Бай По уже затягивал узел на мешке, собираясь уходить.

— А ну постой, сопляк! — хрипло рявкнул толстяк, с маху швырнув на стол увесистую пачку кредитных билетов. — Как насчёт ещё одной партии?

В его заплывших глазках горела ярость пополам с упрямым вождением — упускать добычу он не собирался.

Бай По обернулся, мазнул взглядом по толстой пачке купюр и расплылся в лучезарной улыбке. Он медленно протянул к толстяку правую руку. Тот уже было решил, что наживка заглочена, и довольно ухмыльнулся, как вдруг юноша сжал пальцы в кулак, оставив торчать лишь один — средний. Помахав им перед носом ошарашенного игрока, Бай По презрительно фыркнул и, не обращая внимания на ядовитую злобу в чужих глазах, зашагал к выходу.

Прислонившись к дверному косяку, Бай По лениво разглядывал снующих по улице прохожих.

— Бай По.

Мягкий, бархатистый голос заставил его поморщиться. Оборачиваться не требовалось — и так ясно, кто это. Юноша недовольно цыкнул: сколько можно возиться с какой-то телегой? Однако стоило ему повернуться, как раздражение улеглось: следом за Ван Шо ехал неторопливый кучер на добротном, просторном экипаже. Выглядела повозка на редкость уютной.

Бай По сладко потянулся и первым вскочил внутрь.

Разумеется, пускаться в путь на ночь глядя — затея сомнительная, однако оба беглеца жаждали поскорее убраться подальше от Южной столицы. Бай По резонно опасался ищеек Семьи Ян. Явиться в Срединные равнины в одиночку, без поддержки, да ещё и попасться им на глаза до того, как он разыщет ту старую каргу, было бы верхом глупости. Приходилось соблюдать крайнюю осторожность.

Что же до причин Ван Шо — о них ведал лишь он сам.

Колёса мерно застучали по каменистому тракту. В полумраке кареты царило молчание. Бай По, прикрыв глаза, погрузился в медитацию, выравнивая дыхание и восстанавливая силы. Ван Шо то всматривался в проносящуюся за окном темень, то вновь подолгу созерцал безмятежное, почти детское лицо своего спутника, погружённый в собственные думы.

Летний ночной ветер приятно охлаждал кожу, проникая в приоткрытое окно. В вышине, споря с серебряным серпом луны, мерцали мириады звёзд. Дорогу обступали вековые цветущие деревья, чьи кроны почти полностью заслоняли небосвод; их сладковатое благоухание

струилось в карету с каждым дуновением. Спереди покачивался подвешенный кучером красный фонарь, отбрасывая на обочину мягкие алые блики. Вокруг царили тишина и покой.

Стоило Ван Шо отвести взгляд от звёздного неба и вновь посмотреть на своего спутника, как тот, словно почуяв чужое внимание, резко распахнул глаза.

Обнаружив, что спутник упорно сверлит его взглядом, Бай По на мгновение опешил.

«Неужто этот гордец всё ещё злится за то, что в таверне его выставили на кон? Неужели затаил обиду и замышляет месть?»

Впрочем, глупости всё это. Стал бы он, мастер боевых искусств, бояться обычного смертного, обделённого внутренней силой?

Выбросив эти мысли из головы, Бай По проигнорировал взгляд попутчика и толкнул дверцу кареты. Кучер, услышав шорох за спиной, полуобернулся и озадаченно спросил:

— Господин желает оправиться?

Порыв ветра мгновенно растрепал длинные волосы юноши, выбившиеся из-под ленты.

— Не останавливайся, — звонко бросил он в темноту. — Гони во весь опор, я догоню.

Не успело затихнуть последнее слово, как белая тень скользнула в ночную мглу, бесследно растворившись в ней, словно росчерк падающей звезды.

— Но... господин... — растерянно пробормотал возница.

Оставшийся в карете Ван Шо отозвался ровным, безучастным тоном:

— Делай, как велено.

Голос его звучал мягко, однако во взгляде сквозила леденящая стужа.

Не прошло и четверти часа, как лёгкий вихрь принёс беглеца обратно. Он бесшумно опустился на подножку. Кучер от неожиданности испуганно вскрикнул, но, разглядев в сиянии фонаря своего нанимателя, торопливо прикусил язык. Лишь тихонько выругался про себя: «Носится тут... суший призрак, чур меня».

Бай По захлопнул дверцу и устроился на сиденье. Заметив, что Ван Шо безмолвно ждёт объяснений, он лишь небрежно пожал плечами:

— Можешь не рассыпаться в благодарностях. Я просто прихлопнул парочку назойливых мух, что увязались за нами.

Ван Шо с детства обладал поразительно чутким обонянием. Ещё когда дверца только распахнулась, он уловил тончайший шлейф свежей крови, исходивший от спутника, хотя на белоснежных одеждах Бай По не было ни единого пятнышка.

— И по чьей же милости эти твари вообще сели нам на хвост? — сухо поинтересовался принц.

Бай По предпочёл промолчать. В конце концов, признаваться в том, что он перебил преследователей исключительно из-за того, что жирный боров посмел обозвать его «малявкой», гордость не позволяла.

Путь занял больше двух недель, причём ехать приходилось и днём, и ночью. Если бы не редкие передышки в попутных постоянных дворах, Бай По, верно, испустил бы дух от такой скачки. Но мучениям пришёл конец: спустя полмесяца изнурительной дороги экипаж наконец остановился у величественных врат Лючжоу.

Пришло время расплатиться с извозчиком. Ван Шо молча отсчитал монеты и отдал остаток долга кучеру. Бай По к таким приземлённым заботам даже не прикоснулся — он попросту не знал им цену. В Секте Таинства его на каждом шагу сопровождал личный конвой, а на бескрайних просторах Северного края никто в здравом уме не смел даже косо взглянуть на его людей. Глупцы, дерзнувшие доставить неудобства людям Секты Таинства, расставались с жизнью быстрее, чем успевали осознать свою ошибку.

Лючжоу по праву считался одним из ключевых оплотов Юга. Расположенный на стыке с северными провинциями, он служил главными торговыми воротами империи: через него нескончаемым потоком шли караваны с товарами и двигались регулярные войска.

Бай По замер, потрясённый масштабом открывшейся картины. За широкой гладью крепостного рва до самого горизонта тянулись неприступные каменные стены. Лючжоу напоминал грозного каменного исполина, закованного в броню. С каждой из четырёх сторон света высились тройные воротные башни: внешняя с тяжёлой подъёмной решёткой, срединная стрелковая и венчающая проход цитадель. Пространство между ними замыкалось в грозный оборонительный барбакан, не оставляющий ворвавшемуся врагу ни единого шанса на спасение. По гребню стены выстроились зубцы боевого парапета, за которыми несли бдительный дозор гвардейцы в одинаковых алых мундирах. Сама мысль о штурме подобной твердыни бросала в дрожь, а её величие заставляло трепетать от благоговения.

На суровом Севере отродясь не строили ничего подобного. Приграничный статус наложил на облик Лючжоу отпечаток суровости, но это лишь подчёркивало его царственное величие. У ворот толпились сотни людей — купцы, ремесленники, паломники. Пёстрая, гомонящая толпа наполняла воздух кипучей жизненной силой, превращая крепость в живой торговый улей. И если таков был лишь форпост, то каково же величие Императорской столицы — сияющей столицы Великой Чжоу?

В памяти невольно всплыли слова, которые частенько повторял ему досточтимый глава секты: «Вступая на земли Срединных равнин, взвешивай каждый свой шаг. Помни: в тех краях таятся истинные тигры и драконы».

Бай По вознёсся слишком рано и долго упивался собственным могуществом, отмахиваясь от наставлений учителя. Даже когда пять лет назад он жестоко обжёгся в столкновении с мастерами Срединных равнин, в глубине души всё равно тлея высокомерие. Однако сегодня, стоя один на один с этим каменным колоссом, он впервые ощутил, как прежняя спесь дала глубокую трещину.

<http://bllate.org/book/18409/1786551>